

**ТОПОС САРАЕВА В ПРОЗЕ
ХОРВАТСКОГО ПИСАТЕЛЯ М. ЕРГОВИЧА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ
«САРАЕВСКОЕ МАЛЬБОРО»)***

Евгения Викторовна Шатько —
младший научный сотрудник, Институт
славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: eshatko@gmail.com

Аннотация

В статье дается краткий анализ использования термина «топос» в современном российском литературоведении, а также исследуется топос города Сараево на примере сборника рассказов боснийско-хорватского писателя М. Ерговича. Через оппозицию свой / чужой автору удается передать своеобразие города. Осажденный Сараево в рассказах Ерговича наполнен повседневными, но важными предметами-символами, а война играет роль лупы, благодаря которой повседневные вещи выходят на первый план. Эти объекты становятся центром событий, приобретая иносказательный смысл. «Сараевское Мальборо» не сборник рассказов о войне, он о жизни, о людях и их отношениях, а война лишь контекст их взаимодействия. Нарратор эмоционально отстранен, но через страдания и эмоции персонажей пробивается его голос. Строя повествование вокруг повседневных предметов, таких как кактус, письмо или фотография, писатель приближает историю к читателям, не знающим войны, что позволяет каждому хотя бы немного приблизиться к пониманию того, как она повлияла на судьбы людей. Нарративная стратегия Ерговича близка традиции боснийского рассказа начала XX в., которая отражала жизнь отдельных людей на фоне исторических или культурных перипетий боснийского общества на рубеже XIX–XX вв. Повествование такого типа стало характерной чертой боснийско-герцеговинской литературы в целом. Сараево Ерговича — «символический исторический топос, показывающий крах основных моральных и гуманистических ценностей современной технологической и информационной цивилизации на фоне ужасной войны». Анализ сборника рассказов «Сараевское Мальборо» может стать началом исследования топоса Сараево как в рамках творчества М. Ерговича, так и шире — началом изучения сараевского текста в боснийской (а также сербской и хорватской) литературе. Литературное воплощение Сараева может выступать как особый объект художественного постижения, как некое целостное единство.

* Работа проводилась в рамках проекта Института славяноведения РАН «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы: междисциплинарное исследование», включенного в программу фундаментальных исследований 2018–2020 гг. Президиума РАН объединенного проекта «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России».

Ключевые слова

М. Ергович, «Сараевское Мальборо», топос, рассказ в боснийской литературе, современная проза Боснии

Статья поступила 15 октября 2019 г.

**THE TOPOS OF SARAJEVO IN PROSE
OF THE CROATIAN WRITER M. ERGOVIĆ
(BASED ON THE STORYBOOK SARAJEVSKI MARLBORO)**

Evgeniia V. Shatko

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia

E-mail: eshatko@gmail.com

Abstract

The article gives a brief analysis of the use of the term “topos” in the modern Russian history of literature, and explores the topos of the city of Sarajevo based on a storybook of the Bosnian-Croatian writer Miljenko Jergović. He manages to convey the originality of the city through the twin concepts of own / alien. The besieged Sarajevo in Ergović’s stories is filled with everyday, but important, symbolic objects, while the war plays the role of a magnifying glass, thanks to which everyday things come to the fore. These objects become the centre of stories, acquiring allegorical meaning. *Sarajevski Marlboro* is not a collection of stories about the war, but it is about life, about people and their relationships, and the war itself is only the context of their interaction. The narrator is emotionally detached, but his voice breaks through the suffering and emotions of the characters. Building a story around everyday objects such as a cactus, writing or photography, the writer brings history closer to readers who do not know war, which allows everyone to at least get a little closer to understanding how it influenced the fate of people. Jergović’s narrative strategy is close to the tradition of the Bosnian story of the beginning of the twentieth century, which reflected the lives of individuals against the background of historical or cultural upheavals of Bosnian society at the turn of the twentieth century. The *Sarajevski Marlboro* endorsed a story of this type as an identification mark of Bosnian-Herzegovinian literature itself. Jergović made Sarajevo “a symbolic historical topos, showing the collapse of the basic moral and humanistic values of modern, technological and information civilization against the backdrop of a terrible war.” An analysis of the storybook *Sarajevski Marlboro* is the beginning of a study of the topos of Sarajevo, both within the framework of Miljenko Jergović’s work, and more broadly – the beginning of the study of the Sarajevo text in Bosnian (as well as Serbian and Croatian) literature. The literary embodiment of Sarajevo can act as a special object of artistic comprehension, providing a kind of integral unity.

Keywords

Miljenko Jergović, *Sarajevski Marlboro*, topos, story in Bosnian literature, modern prose of Bosnia

Received 15 October 2019.

Исследованием топоса как литературоведческой категории занимались такие ученые, как Э.Р. Курциус, Л. Арбузов, Р. Бахем, П. Йен, Э. Мертнер и В. Фейт, У. Шмидт-Биггеман, Р. Лаусберг, Р. Грубель, Р. Николози, Р. Лахманн. Заимствованный из античной риторики термин «топос» (греч. «место») вошел в науку о литературе благодаря работе Э.Р. Курциуса «Европейские литературы и латинское Средневековье» (1948), в которой топос определяется как «твердые клише или схемы мысли и выражения, запечатлевающие формулы, фразы, обороты, цитаты, стереотипные образы, эмблемы, унаследованные мотивы <...> Ему присуще временное и пространственное всеприсутствие. В этом внеличностном стилевом элементе мы касаемся такого пласта исторической жизни, который лежит глубже, чем уровень индивидуального изобретения»¹. Таким образом, Курциус отмечает связь топоса с архетипом, указывая, что топос – явление коллективного сознания, проявляющееся в литературном творчестве.

В русском литературоведении термин «топос» используется значительно реже. Ему А.М. Панченко предпочитает термин «ядерные образы»², а понятию «топика» – «национальную аксиоматику»³, В.М. Жирмунский – «словесные темы»⁴, Л.Я. Гинзбург – «отстоявшиеся формулы», «слова-формулы», «условные слова», «слова-сигналы»⁵. М.М. Бахтин определил понятие «топос» как особую эстетическую категорию, для него это пространственный образ художественного текста, пространство, сквозь которое проступают координаты мира⁶.

В литературоведении в широком понимании топос – это «“общее место”, набор устойчивых речевых формул, а также общих проблем и сюжетов, характерных для национальной литературы»⁷. Таким образом, топос касается «вечных» проблем и сюжетов той или иной литературы. Н.Д. Тмарченко, А.М. Панченко и Е.В. Хализев считают его устойчивой

¹ *Махов А. Е.* Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 1076.

² *Панченко А. М.* Топика и культурная дистанция // *Панченко А. М.* Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236.

³ Там же. С. 246.

⁴ *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.

⁵ *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. С. 13.

⁶ *Махов А. Е.* Топос. С. 1076.

⁷ *Комкова А. В.* Понятие «топос» в современном литературоведении // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: Электронный сборник статей по материалам XX студенческой международной научно-практической конференции. № 5 (20) / ред. Н.В. Дмитриева, А.Г. Бердникова. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. С. 134–138. URL: [http://sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (дата обращения: 10.10.2019).

системой универсальных смыслов, не зависящих от контекста конкретного произведения. Такое понимание топоса связано с изучением традиционного способа письма, поэтому к нему чаще прибегают литературоведы-медиевисты.

Более узкое понимание данного термина – «значимое для художественного текста “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства, как правило, открытым»⁸, то есть топос является единицей художественного пространства. По Ю. М. Лотману, это «пространственный континуум текста, в котором отображается мир объекта»⁹. Термин «локус» используется для обозначения составных элементов топоса, то есть закрытых пространств, включенных в общее – открытое. Топос – «элемент художественного пространства текста, как правило, открытого, восходящий к бессознательной поэтике и служащий выражению непространственных отношений, ценностных представлений автора»¹⁰. Таким образом, «топос, как правило, не является элементом произведения: он принадлежит к историко-литературной реальности, из которой произведение возникает, к материалу, из которого творит художник»¹¹. В нашей работе используется именно такое понимание топоса: при анализе конкретного сборника рассказов выделяются образ осажденного Сараева и элементы бессознательного, относящиеся к исторической реальности и/или к стереотипному видению города, отраженному в авторском тексте М. Ерговича.

Миленко Ергович родился в Сараеве в 1966 г., с 1994 г. живет в Загребе. На филологическом факультете Сараевского университета он изучал филологию и социологию. С 1990-х годов сотрудничал с еженедельной газетой *Nedjeljna Dalmacija* («Воскресная Далмация») в качестве журналиста, а позже стал заместителем ее главного редактора. Первый, самый известный и успешный, сборник рассказов о Боснии во время войны – *Sarajevski Marlboro* («Сараевское Мальборо») – вышел в 1994 г. До 2001 г. Ергович вел колонку *Istorijska čitanka* («Историческое чтение») в боснийском журнале *Dani* («Дни»), затем для газеты *Jutarnji list* («Утренняя газета») он стал писать об актуальных политических, социальных и спортивных событиях в Хорватии, сотрудничает также с сербским журналом *Политика* («Политика») и сплитским еженедельником *Feral Tribune* («Дикая трибуна»).

⁸ Там же.

⁹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 280.

¹⁰ Комкова А. В. Понятие «топос» в современном литературоведении.

¹¹ Юденкова А. В. Исследование топоса Петербурга в творчестве Н. В. Гоголя (на материале «Петербургских повестей») // Актуальні проблеми Слов'янської філології, Бердянськ: БДПУ, 2010. Вип. XXIII. Ч. 1. С. 65.

Его произведения публикуются не только в Хорватии и Боснии, но и в Сербии и Черногории. Ергович считает, что «СФРЮ в культурном смысле не только не распалась, но и не может распасться даже с помощью самого страшного национализма»¹². В 1988 г. он получил награду Мака Диздара за сборник стихов *Opservatorija Varšava* («Обсерватория Варшава»), в 1990 г. – награду Веселко Тенжера за журналистскую деятельность, в 1994 г. – премию мира имени Эриха Марии Ремарка и награду «Ксавер Шандор Джальский» за сборник «Сараевское Мальборо», в 2003 г. – итальянскую литературную премию «Гринцане Кавур» за сборник рассказов *Mama Leone* («Мама Леоне»), в 2007 г. – награду Меши Селимовича за роман *Ruta Tannenbaum* («Рута Танненбаум») и др. В 2009 г. он вместе с Гораном Рушиновичем, известным хорватским режиссером, участвовал в создании фильма *Buick Riviera* («Бьюик Ривьера»), за который получил награду Матицы хорватской за вклад в литературу и искусство.

Многие произведения Ерговича переведены на итальянский, французский, немецкий, английский, испанский, каталонский, португальский, шведский, финский, голландский, болгарский, венгерский, македонский, словацкий, литовский, белорусский, польский, чешский, словенский и русский языки¹³. Действие большей части его произведений развивается на просторах бывшей Югославии, за исключением романа «Бьюик Ривьера», который повествует о встрече беженца из Боснии и беженца из Сербии на американской земле.

Проза Ерговича описывает обычных людей, частные и незначительные события, повседневность, которая является своеобразным поводом к размышлениям о Балканах, их истории и современности. Фоном для этой повседневности становится гражданская война в Боснии. Герой Ерговича – человек, утративший свой дом и так и не нашедший нового, герой в вечном поиске метафизического дома: «Ах, Загреб, Загреб – это город, где всегда найдется кто-то, кто напомнит мне хотя бы раз в неделю, что я не из Загреба. Когда-то меня это задевало, но со временем человек привыкает. В остальном, если бы их не было, я бы и не знал, что

¹² Miljenko Jergović // Vecernji.hr [сайт]. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474>. (дата обращения: 10.10.2019). Перевод наш.

¹³ Публикации М. Ерговича на русском языке: Рассказы // Иностранная литература. 2006. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/10/rasskazy-206.html> (дата обращения: 10.12.2019); Из книги «Мама Леоне» // Иностранная литература. 2010. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2010/7/iz-knigi-mama-leone.html> (дата обращения: 10.12.2019); «Отец», главы из книги // Иностранная литература. 2011. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2011/6/otecz-7.html> (дата обращения: 10.12.2019); Gloria in Excelsis. М.: Центр книги Рудомино, 2018. (Серия «100 славянских романов»); Вилимовски // Иностранная литература. 2019. № 10. С. 6–103.

можно – и впрочем, легко – быть ниоткуда. С тех пор, как я не из Сараева, а уже несколько лет я не оттуда, это ощущение появляется у меня и в этом городе, точно так же хотя бы раз в неделю кто-то мне на это указывает. Я понял, что значит быть ниоткуда»¹⁴. Чувство утраченной принадлежности – постоянный мотив творчества Ерговича, позволяющий ему показать закрытость современного общества (чаще хорватского) и раскрыть такие темы, как бегство от прошлого, поиски идентичности.

Ергович активно участвует в литературной жизни как родной Боснии, так и Хорватии. В сербской Википедии статья о нем начинается словами «боснийско-герцеговинский и хорватский журналист и писатель», а в хорватской – «хорватский писатель, журналист и публицист». Он член обоих ПЕН-клубов, а сам автор считает себя «не хорватским и не боснийским писателем, а принадлежащим только тем, кто по собственному желанию читает его книги на языке, на котором они написаны, независимо от того, какой они национальности»¹⁵. Он не только пишет о самых разных (чаще – боснийских) семьях и их частных историях, но и ведет «летопись проблемы идентичности, проблемы, ставшей причиной самых страшных страданий в Европе»¹⁶, что поднимает его творчество на общеевропейский, если не на мировой уровень, о чем свидетельствуют многочисленные издания переводов его произведений. Однако географически мир Ерговича-писателя – это Босния, и уже – Сараево.

Сборник рассказов «Сараевское Мальборо» поделен на три части: «Незаменимая деталь биографии», «Реконструкция событий» и «Who will be the witness». В первой и третьей частях – по одному рассказу, а во второй – 27. Война во всех сюжетах находится на втором плане: она невидимо управляет жизнями персонажей, влияет на их судьбы, меняет повседневность и забирает жизни. Сборник начинается с рассказа «Экскурсия», в котором герой впервые сталкивается со смертью (становится свидетелем дорожной аварии), что тематически предвосхищает атмосферу всего сборника. Смерть из феномена перерастет в повседневную реальность. Последующие рассказы посвящены межличностным отношениям через призму материального мира. Герои Ерговича – люди, потерявшие почву под ногами, «не разбирающиеся

¹⁴ *Jergović M., Mehmedinović S.* Transatlantic Mail. Zagreb: v/b/z, 2009. S. 34. Перевод наш.

¹⁵ Miljenko Jergović // Vecernji.hr [сайт]. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474>. (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁶ *Doris L.* Jergović nije ni bosanski, ni hrvatski, ni balkanski, on je europski i svjetski pisac (перевод с немецкого Anne-Kathrin Godec) // Fraktura.hr [сайт]. URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/jergovic-nije-ni-bosanski-ni-hrvatski-ni-balkanski-on-je-europski-i-svjetski-pisac/> (дата обращения: 10.10.2019).

в политике и мечтающие только о мире и спокойной жизни»¹⁷. Писатель объединяет в одном сборнике «рассказы, крайне разнородные по тематике, тональности, динамике, степени сюжетности и действующим в них лицам»¹⁸, благодаря чему осажденное Сараево становится моделью мира в целом.

В центре внимания находится холодная, беспокойная повседневная жизнь, интенсивные эмоции передаются с помощью метафор и символов. Так, сюжет рассказа «Кактус» строится вокруг истории любви: героиня дарит своему возлюбленному кактус, но из-за войны покидает город; герой заботится о растении, но война подбирается ближе к его дому, он вынужден жить в подвале, где со временем умирает кактус, а значит, и их любовь. В рассказе «Слободан» (имя в переводе с сербского означает «свободный») психически нездоровый человек в военные годы остается совсем один, без крова и становится своего рода символом осажденного Сараева: «Один из первых военных репортажей CNN из Сараева показывал, как Слободан абсолютно спокойно и беззаботно бродит по городу, пока вокруг падают снаряды. Камера сняла, как он прошел метров семьдесят, журналист, вероятно, ожидал, что поймает момент, когда взрыв разорвет сараевца. Слободан прогулочным шагом из глубины кадра дошел до оператора, улыбнулся ему, кивнул <...>. За его огромной спиной продолжали падать снаряды, а репортер тем вечером немного разочарованно сообщил зрительской аудитории, что среди сараевцев еще есть храбрые люди»¹⁹. Потерянный, бездомный, ничего не понимающий и нездоровый Слободан значительно ближе другим сараевцам, чьи жизни сломала война, чем стервятник-журналист, не распознавший болезни в больном городе.

Именно в столкновении с чужим, человеком из другого, невоюющего мира наиболее ярко вырисовывается образ Сараева. В рассказе «Могила» герой-босниец, разговаривает с американским журналистом: «Он меня спрашивает, не жалею ли я, что после того, как трижды объехал мир, остался в осажденном Сараеве, а я ему говорю, что я тут не остался, а тут родился»²⁰; босниец хочет быть похоронен только здесь, где с каждого кладбища открывается вид на весь город, а не в Америке, где «мертвецы

¹⁷ *Королькова П. В.* Сборник рассказов как тематическая мозаика и жанровый гибрид («Сараевский Мальборо» М. Ерговича и «Дьявол в Сараеве» Н. Величковича) // Гибридные формы в славянских культурах / отв. ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 191.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Jergović M.* Sarajevski Marlboro. Podgorica: Nova knjiga, 2016. S. 51. Здесь и далее перевод наш.

²⁰ *Ibid.* S. 71.

выстраиваются, как военные, – строем»²¹. Босниец советует журналисту не смотреть на людей, раз он их не понимает, – пусть смотрит на мир вещей, как он сам, будучи в Америке, рассматривал вывески, рекламу, полки в магазинах. Он приводит в пример пачку сигарет: в осажденном городе не хватало материалов для упаковки, поэтому пачки были без опознавательных знаков, белые, а внутри можно было обнаружить часть киноафиши или рекламы обуви. Герой хочет показать журналисту свою пачку как пример, но в этот раз внутри оказывается обертка пачки «Мальборо»: «Что бы я ему ни сказал, он, такой, какой есть, подумает: “Сумасшедший народ, выворачивают сигаретную пачку, чтобы увидеть, какие сигареты купили. Как сигаретные пачки у них наизнанку, так и всё наизнанку, и что говорят, и что думают, и что делают”»²². Люди с разным менталитетом, разными культурными кодами и жизненным опытом (даже при возможности диалога) часто неспособны понять друг друга.

Однако «чужой» у Ерговича не всегда находится в настолько жесткой оппозиции к «своему» – сараевский мультинациональный и мультирелигиозный «котел» готов принять всех. В рассказе «Дворянин» главным персонажем предстает «свой чужой» хорват Иво, которого соседи всегда считали отстраненным и надменным. Когда пропадает вода в общественных колодцах, он позволяет всем соседям пользоваться своим. Каждый день с 10 до 12 часов перед его домом выстраивалась очередь, объединяющая сербов, хорватов и мусульман, а хозяин лично наполнял их тару водой. За день до Рождества он повесил объявление, что в праздник не будет работать. «В праздничный день водоносы принесли дары. Пирог, пахлаву, кувшины с простоквашей, небольшие свертки с молотым кофе, а один парнишка где-то заказал пачку сигарет “Croatia” с фильтром, что особо тронуло Иво»²³. Военное положение в городе, упоминаемое вскользь, сближает людей в стремлении выжить и стирает все различия. Город организует пространство обитания человека, провоцирует его «на поступки, генерирует события, необратимые, а потому судьбоносные»²⁴.

В рассказе «Боснийский котел» глазами хорватки Елены, приехавшей в Сараево учиться, показан довоенный город: «Сначала ее нервировали водители трамвая, не на остановке выбегавшие купить бурек на Башчаршии»²⁵,

²¹ Ibid. S. 72.

²² Ibid. S. 73.

²³ Ibid. S. 31.

²⁴ Гурин С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты. URL: <http://www.topos.ru/article/6747> (дата обращения: 10.10.2019).

²⁵ Центральная площадь в Сараеве.

ее выводили из себя громко разговаривающие люди с их жесткими шутками, ей мешали слишком сильные и незнакомые запахи, парни, при первой встрече рассказывающие всю свою жизнь, а при второй – позволяющие себе крепкое словцо. Но так как это был город, который не требует, чтобы ты менялся, и который перенесет и чужое презрение, Елена смогла к нему привыкнуть»²⁶. Ее возлюбленный, босниец Злая, позже, спасаясь от войны, некоторое время будет жить с ней в Загребе. Он начнет готовить и, будто в поисках утраченного дома, искать боснийский котел, необходимый для приготовления одноименного блюда*, что «невозможно во всех этих глупых цептерах и кастрюлях, на которых еще лет сто будет написано “Made in Yugoslavia”. Для боснийского котла нужна глиняная посуда, каких в турбоевропейском Загребе, конечно, нет. Каких, в общем-то, не было и в сараевских магазинах, но их можно было найти во всех сараевских домах»²⁷. Этот котел становится не только символом утраченного мира и особой атмосферы города, но и символом невозможности обрести утраченное: Злая, даже приобретя посуду, не успеет приготовить блюдо, так как из-за проблем с документами его заберут в лагерь беженцев.

Еще одна история переезда и попытки адаптироваться – рассказ «Склонение» о мальчике Дино, которого мать перевезла в Загреб. «Отчим <...>, конечно, католик. Мальчик, конечно, нет. Он рассказывает, как девочка, которая учится с ним в одном классе и в которую он влюблен, исправляет его»²⁸, от стеснения он едва ли решается попросить у отчима посмотреть мультфильмы. Отдушиной для него становятся письма деду в Зеницу (город в Боснии). «Загребские» эпизоды в сборнике подчеркивают ужас войны; от нее можно убежать, но при этом она не проходит бесследно, отбирая у человека не только дом, но и саму возможность обрести его в другом месте.

В последнем рассказе «Библиотека» автор делит книги на три группы: самую многочисленную из них составляют те, что так и не будут прочитаны; во второй оказываются книги, любимые с детства; третья же – произведения, которые, как мы думаем, останутся с нами навсегда. Однако «природное агрегатное состояние книги – пламя, дым и пепел»²⁹. Эту классификацию можно перенести и на межличностные отношения: история, как пламя, съедает книги, стирает человеческие желания и планы.

²⁶ Jergović M. Sarajevski Marlboro. S. 74.

* Классическое боснийское блюдо, жаркое с овощами и специями.

²⁷ Jergović M. Sarajevski Marlboro. S. 37.

²⁸ Ibid. S. 105.

²⁹ Ibid. S. 136.

В осажденном Сараеве Ерговича обыденные предметы становятся символами: глиняный котел как символ утраченного дома; кактус как символ любви; спрятанная в кошельке убитого мужа фотография любовницы как разрушение не только счастливого брака, но и всего старого мира; яблоки как символ продолжения жизни; колодец как символ единства; звон трамвая и взошедшие семена салата и моркови как символ продолжающейся жизни города и др. Война играет роль лупы, благодаря которой повседневные вещи выходят на первый план. Эти объекты становятся центром событий, приобретая иносказательный смысл.

Город наполнен и очевидными для его жителей, создающими местный колорит деталями: типичная «мусульманская семья, пахнувшая легким боснийским исламом и бальзамированным венским дворянством»³⁰, упоминаются ключевые места (остановка «Мариин двор», перекресток Титовой и Твртковой улиц, Художественная академия, сараевский пивной завод, районы города: Илиджа, Ковачи, Алифаковац, Бьелаве и др.), запахи (в основном кофе и ракии), события (Сараевская Олимпиада).

Война присутствует в тексте в виде таких деталей, как гуманитарная помощь, неработающие светофоры, дефицит сигарет и др. Важное место занимает звуковой фон: «Греметь стало синкопами, взрывы размеренными волнами переходили из одного района города в другой»³¹; «взрывы больше не доносились <...>, выстрелы раздавались нежно и близко, как напоминание, что этой ночью еще остались бодрствующие, еще остались люди с сумасшествием, горестями и заботами в голове»³².

Наиболее ярко показана повседневная «нормальность» военных действий, пожалуй, в отрывках радиопередачи: «Точное время – двадцать один час. Вы слушаете новости, сегодня с официальным визитом уехал, семнадцать мертвых и восемьдесят пять раненых, под артиллерийским обстрелом агрессора, отступающего в панике, министр по гуманитарным вопросам Республики Франции, поклонился жертвам, нам написал наш постоянный слушатель с территории свободы, новое преступление агрессора, на мировом чемпионате по парусному спорту, каяк в диких водах, нашим аплодировали стоя, люди плакали, погода ожидается дождливая и ветреная»³³. В этих обрывках новостей лежит ключ к пониманию жизни осажденного города: ужас войны становится привычным и неизменным явлением, как перемена погоды.

³⁰ Ibid. S. 34.

³¹ Ibid. S. 88.

³² Ibid. S. 90.

³³ Ibid. S. 87.

«Сараевское Мальборо» не сборник рассказов о войне, он о жизни, людях и их отношениях, а война лишь контекст их взаимодействия. Нарратор эмоционально отстранен, но через страдания и чувства персонажей пробивается его голос. Строя повествование вокруг таких повседневных предметов, как кактус, письмо или фотография, писатель приближает историю к читателям, не знающим войны, что позволяет каждому хотя бы немного понять, каково ее влияние на судьбы людей: «Люди, пишущие об этой войне без желания заработать статус и пробиться наверх по мертвым и живым головам, то есть люди, которых очень мало, но они есть, <...> отчаянно пытаются сохранить разодранную картину мира»³⁴.

Боснийский историк литературы Э. Казаз в статье «Новая повествовательная Босния» написал, что рассказ для боснийской литературы стал «романом в малом»³⁵. На рубеже XX–XXI вв. апокалипсис войны создал новую литературную волну. Именно в жанре рассказа, раньше, чем в поэзии и романе, возникла реакция на изменение исторических и социальных обстоятельств, рассказ стал «моральной хроникой апокалипсиса войны»³⁶. Творчество К. Заимовича, Н. Величковича, Д. Узуновича, Г. Самрджича и М. Ерговича обновило реалистические нарративные стратегии: обратившись к поэтике свидетельства, авторы создали малые, индивидуальные сюжеты, противопоставленные монументальной и героической наррации. Сборник Ерговича «Сараевское Мальборо» через трагичные судьбы маленьких людей в обстоятельствах войны, через их гуманность и моральную стойкость «превратил Сараево в символический топос истории». Ергович не стремится стать новым идеологом, его рассказы строятся на индивидуальных биографиях героев. Казаз пишет, что нарративная стратегия Ерговича близка традиции боснийского рассказа начала XX в., которая отражала жизнь отдельных людей на фоне исторических или культурных перипетий боснийского общества на рубеже XIX–XX вв. Сборник «Сараевское Мальборо», по мнению исследователя, утвердил повествование такого типа как опознавательный знак боснийско-герцеговинской литературы в целом. Ергович «показал крах основных моральных и гуманистических ценностей современной, технологической и информационной цивилизации на фоне ужасной войны»³⁷. Хронотоп, традиционно присущий повествованию о Боснии, переносится на всеобщий глобальный уровень,

³⁴ Ibid. S. 109.

³⁵ Kazaz E. Nova pripovjedačka Bosna // Sarajevske sveske. 2006. № 14. URL: <http://sveske.ba/en/content/nova-pripovjedacka-bosna> (accessed: 10.10.2019).

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

моральная хроника кровавой боснийской войны, реализованная в рамках исторического хронотопа, может восприниматься и на уровне метафоры общей истории, ее иррациональности и жестокости.

Анализ сборника рассказов «Сараевское Мальборо» может стать началом исследования топоса Сараево как в рамках творчества М. Ерговича (в особенности более позднего сборника рассказов «Сараево, план города», в котором столица Боснии описывается в развитии, начиная с 1970-х годов до настоящего времени), так и шире – началом изучения сараевского текста³⁸ в боснийской (а также сербской и хорватской) литературе. Литературное воплощение Сараева выступает особым объектом художественного постижения.

Литература

- Булгакова А. А.* Топика в литературном процессе: пособие. Гродно: ГрГУ, 2008.
- Гинзбург Л. Я.* О лирике. Л.: Советский писатель, 1974.
- Гурин С. П.* Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // Топос. Литературно-философский журнал. 2009. URL: <http://www.topos.ru/article/6747> (дата обращения: 10.10.2019).
- Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.
- Комкова А. В.* Понятие «топос» в современном литературоведении // «Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки»: Электронный сборник статей по материалам XX студенческой международной научно-практической конференции. № 5 (20) / ред. Н. В. Дмитриева, А. Г. Бердникова. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. С. 134–138. URL: [http://sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (дата обращения: 10.10.2019).
- Королькова П. В.* Сборник рассказов как тематическая мозаика и жанровый гибрид («Сараевский Мальборо» М. Ерговича и «Дьявол в Сараеве» Н. Величковича) // Гибридные формы в славянских культурах / отв. ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 193–200.
- Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
- Махов А. Е.* Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. С. 1076.
- Панченко А. М.* Топика и культурная дистанция // *Панченко А. М.* Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236–250.
- Прокофьева В. Ю.* Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 87–91.
- Топоров В. Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009.

³⁸ Понятие городского текста в литературоведение ввел В. Н. Топоров в работе «Петербургский текст русской литературы», по аналогии возникли понятия московского, парижского, вильнюсского и других текстов.

- Хализев Е. В. Теория литературы: Учебник. М.: Высшая школа, 2002.
- Юденкова А. В. Исследование топоса Петербурга в творчестве Н. В. Гоголя (на материале «Петербургских повестей») // Актуальні проблеми Слов'янської філології / ред. Зарва В. А. Бердянськ: БДПУ, 2010. Випуск XXIII. Чстина 1. С. 64–72.
- Jergović M. *Sarajevski Marlboro*. Podgorica: Nova knjiga, 2016.
- Jergović M., Basara S. *Tušta i tma*. Beograd: Laguna, 2014.
- Jergović M., Mehmedinović S. *Transatlantic Mail*. Zagreb: v/b/z, 2009.
- Kazaz E. Nova pripovjedačka Bosna // *Sarajevske sveske*. 2006. N 14. [online] URL: <http://sveske.ba/en/content/nova-pripovjedacka-bosna> (accessed: 10.10.2019).

References

- Bulgakova, A.A., 2008. *Topika v literaturnom protsesse: posobie* [Topic in the literary process]. Grodno: GrGU.
- Ginzburg, L.Ia., 1974. *O lirike* [About a lyric poetry]. Leningrad: Sovetskii pisatel'.
- Gurin, S.P., 2009. *Obraz goroda v kul'ture: metafizicheskie i misticheskie aspekty. Topos*. [The image of the city in culture: metaphysical and mystical aspects. Topos]. *Literatruno-filosofskii zhurnal*. [online]. URL: <http://www.topos.ru/article/6747> (accessed: 10.10.2019).
- Halizev, E.V., 2002. *Teoriia literatury: Uchebnik* [Literary theory. Poetics. Stylistics]. Moscow: Vysshaia shkola.
- Iudenkova, A.V., 2010. *Issledovanie toposa Peterburga v tvorchestve N. V. Gogolia (na materiale «Peterburgskikh povestei»)* [Studies of the topoi of St. Petersburg in the writings of N. V. Gogol (on the basis of Petersburg Tales)]. In: Zarva V.A., ed. *Aktual'ni problemy Slov'ians'koi filologii, XXIII* [Actual problems of Slovenian philology]. Berdyansk: BDP, pp. 64–72
- Jergović, M., 2016. *Sarajevski Marlboro*. Podgorica: Nova knjiga.
- Jergović, M., Basara, S., 2014. *Tušta i tma*. Beograd: Laguna.
- Jergović, M., Mehmedinović, S., 2009. *Transatlantic Mail*. Zagreb: v/b/z.
- Kazaz, E., 2006. *Nova pripovjedačka Bosna*. *Sarajevske sveske*, 14. URL: <http://sveske.ba/en/content/nova-pripovjedacka-bosna> (accessed: 10.10.2019)
- Komkova, A.V., 2014. *Poniatie "topos" v sovremennom literaturovedenii* [The concept of «topoi» in modern literary criticism]. In: Dmitrieva, N.V., Berdnikova, A.G., eds, 2014. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletia. Gumanitarnye nauki»: Elektronnyi sbornik statei po materialam XX studencheskoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 5 (20) [The scientific community of students of the XXI century. Humanities. Electronic collection of articles on the materials of the XX student international research-to-practice conference]. Novosibirsk: Izd. SibAK, pp. 134–138. URL: [http://sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (accessed: 10.10.2019).

- Korolkova, P.V., 2014. *Sbornik rasskazov kak tematicheskaiia mozaika i zhanrovii gibrid*. In: Zlydneva, N.V., ed, *Gibridnye formy v slavianskikh kul'turakh. Sbornik statei* [Hybrid forms in Slavic cultures. Collection of articles]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. pp. 193–200.
- Lotman, Yu.M., 1970. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow: Iskusstvo.
- Makhov, A.E., 2001. Topos [Topoi]. In: Nikoliukin, A.N., ed., 2001. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: Intelvak. p. 1076
- Panchenko, A.M., 1986. Topika i kul'turnaia distantsiia [Topic and cultural distance]. In: Panchenko, A.M., 1986. *Istoricheskaiia poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical poetics. The results and prospects of the study]. Moscow: Nauka, pp. 236–250.
- Prokof'eva, V.Iu., 2004. Kategoriia prostranstva v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy [The categories of space in literary refraction: loci and topoi]. *Vestnik OGU*, 11, pp. 87–91.
- Toporov, V.N., 2009. *Peterburgskii tekst* [Petersburg text]. M.: Nauka.
- Zhirmunskii, V.M., 1977. Teoriia literatury [Theory of Literature]. *Poetika. Stilistika* [Poetics and Stylistics]. Leningrad: Nauka.